
АРТЁМ БАРЕНЦЕВ
ТАЙНА СЕРЕБРЯНОГО ЗВЕЗДОЧЕТА
Новогодние приключения в Крутояре

Артем Баренцев

Тайна Серебряного Звездочета

«Автор»
2026

Баренцев А.

Тайна Серебряного Звездочета / А. Баренцев — «Автор», 2026

В старинном заснеженном городке Крутояр накануне праздника происходит неслыханное происшествие: из краеведческого музея похищен уникальный механический раритет девятнадцатого века - Серебряный Звездочет мастера Силантия Воронова. Четверка неразлучных друзей во главе с двенадцатилетним Костей Роговым случайно находит оброненный грабителями старинный чертеж и латунный анкерный спуск. Взрослые списывают все на мальчишеские выдумки, и юным следопытам приходится действовать в одиночку. Ребят ждут опасные лыжные вылазки на заброшенную водяную мельницу посреди замерзшей реки Ярыни, снежные ловушки и встреча с незадачливыми похитителями Феликсом и Чугуном, за спиной которых стоит опасный теневой скупщик Аркадий Брусницын. Спасти новогоднее чудо города может только настоящая дружба.

© Баренцев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дозор на старой водокачке 5
Пропавший футляр и медный анкер 8
Четыре знака мастера Силантия 12
Клетчатое пальто на елочном базаре 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Тайна Серебряного Звездочета

Дозор на старой водокачке

Крутояр начинался не с вокзала и не с заснеженного собора, а с высокого берегового обрыва, на котором ветер всегда пах печным дымом, сосновой корой и стылым речным простором. Город сбегал вниз по склонам крутыми деревянными лесенками, узкими мощеными переулками и низкими заборами, за которыми до самой крыши громоздились белые сугробы. Снизу, скованная полуметровым синим льдом, лежала Ярыня. Зимой река казалась широкой белой дорогой, по которой изредка проезжали колхозные сани или пробегали запоздалые лыжники.

Костя Рогов стоял на верхней площадке старой водонапорной башни и поправлял рукавицей воротник застиранного полушубка. Башню сложили из темно-красного фигурного кирпича еще при царе, когда через Крутояр только прокладывали однопутную северную железную дорогу. Воду в паровозы отсюда давно уже не качали, огромный клепаный бак на втором ярусе гудел на морозе, словно пустое жестяное ведро, но лучшего места для наблюдательного пункта в округе было не сыскать. С башни открывался весь город: и товарные тупики станции, и Базарная площадь с установленной накануне гигантской мохнатой елью, и резная двухэтажная усадьба купца Полежаева, в которой теперь помещался городской краеведческий музей.

«Шкипер, трос заедает», донесся снизу глуховатый голос Алёшки Чайкина. «Если ты сейчас дернешь со всей дури, мы срежем стопорную шпонку. Я же говорил, что надо было смазать барабан солидолом, а ты пожалел».

«Ничего я не пожалел», отозвался Костя, перегибаясь через кованые перила. «Солидол на таком морозе в замазку превращается. Папка на маневровых тепловозах зимой только жидким веретенным маслом шестерни проходит. Подтяни полиспаст на два оборота и зафиксируй собачку».

Костя спустился по железным скобам на промежуточный деревянный помост, где у ребят был устроен настоящий штаб. Здесь стояла чугунная буржуйка, труба которой выходила в узкую амбразуру стены. Внутри весело потрескивали сухие березовые поленья, разливая вокруг спасительное густое тепло. На самодельном столе из струганых досок лежали раскрытые схемы железнодорожных путей, бинокль в потертом кожаном футляре, баночка из-под леденцов с медными гайками и толстая тетрадь в клеенчатом переплете, которую Алёшка с гордостью именовал бортовым журналом Крутоярского дозора.

Сам Алёшка, худой одиннадцатилетний очкарик с вечно испачканным химическим карандашом пальцем, сидел на табурете и крутил рукоять самодельной лебедки. Эту лебедку Костя собрал на прошлой неделе из списанного тормозного шкива и стального тросика. С ее помощью ребята могли поднимать на башню ведра с углем, тяжелые лыжи или санки прямо со двора, не таская их по обледенелым крутым ступеням.

В углу у буржуйки грела варежки Даша Метёлкина. Ей было двенадцать, на полгода старше Кости, но в их компании никто никогда не спорил о старшинстве. Даша бегала на коньках быстрее любого семиклассника в Крутояре, знала все тайные лазы в старых складах и могла с пятидесяти шагов залепить снежком в пустую консервную банку на заборе так, что та улетала в сугроб с жалобным звоном.

«Хватит спорить про солидол, механики», сказала Даша, стряхивая иней с пушистой вязаной шапки. «Лучше поглядите, что на площади творится. Там плотники деревянный павильон для часов достроили. Тот самый, со стеклянными витринами и медным шпилем. Завтра из музея должны привезти самого Звездочета. Весь город только об этом и говорит».

«Не просто Звездочета», поправил Алёшка, поднимая указательный палец. «А механический курантный автомат мастера Силантия Воронова, изготовленный в одна тысяча восемьсот девяносто восьмом году по особому заказу гильдейского купца второй гильдии Поликарпа Полежаева. В нем семьсот сорок две детали, четыре курантных боя и астрономический календарь с фазами луны. В музее его три года реставрировали. Антонина Петровна даже из Ленинграда профессора вызывала, чтобы наладить ход маятника».

«Знаем, слышали», улыбнулся Костя, подбрасывая в печку березовую щепку. «Мой папка для этого Звездочета в депо на токарном станке латунную втулку вытачивал. Говорит, такой ювелирной работы сейчас во всей области не сыщешь. Шестеренки тонкие, как паутинка, а в полночь фигурка оленя должна выезжать и копытцем в хрустальный колокольчик бить».

В этот момент со стороны верхней смотровой площадки донесся дробный топот валенок. В люк протиснулся девятилетний Ваня, младший брат Даши, которого в команде за невероятную способность пролезать в любую щель и везде оставаться незамеченным звали Шплинтом. Ваня был закутан в серый пуховый платок поверх клетчатого пальтишка, а на шее у него на бельевой веревке висела картонная труба с двумя осколками зеркала - его гордость, самодельный перископ.

«Шкипер! Даша! Скорее наверх!» шепотом, но отчаянно выпалил Ваня, размахивая рукавицами. «Там у музея машина странная. Не наша, не городская».

Костя мгновенно посерьезнел. В Крутояре чужие автомобили зимой появлялись редко: трассу от областного центра часто переметало так, что даже рейсовый автобус застревал в низинах у Березовой рощи. Местные шоферы знали друг друга по именам, а машины в городке можно было пересчитать по пальцам.

Ребята гуськом взбежали по винтовой железной лестнице на смотровую площадку. Морозный воздух обжег щеки колючими иголками. Сумерки быстро сгущались, синее декабрьское небо на востоке уже затягивалось дымчатой морозной мглой, а на улицах одна за другой вспыхивали редкие желтые лампочки на деревянных столбах.

Музейный двор был виден как на ладони. Сам купеческий особняк с резными карнизами и башенкой темнел среди заснеженных яблонь. Главный вход с парадным крыльцом выходил на широкую улицу Ленина, а вот сзади, со стороны глухого Пушкарского переулка, располагались старая кирпичная котельная, каретный сарай и низкие дощатые ворота, которые обычно запирались на тяжелый висячий замок.

Возле этих ворот, наполовину заехав колесом в сугроб, стоял синий фургон с помятым крылом и брезентовым верхом. Двигатель машины не работал, из выхлопной трубы не шло ни дымка, а фары были погашены.

«Видите?» Ваня пристроил свой перископ на перила. «Они минут десять назад подъехали. Фары еще у моста выключили, накатом шли, чтобы не гудеть. Я в бинокль смотрел: из кабины двое вылезли».

Костя поднял тяжелый армейский бинокль к глазам и подкрутил муфту резкости. В круглых окулярах четко проступили темные силуэты у музейного забора.

Один из приехавших был длинным, нескладным великаном в огромном овчинном тулупе, подпоясанном куском бельевой веревки. На ногах у него поверх валенок были натянуты толстые шерстяные носки, а на голове красовалась несуразная ушанка с одним болтающимся ухом. Великан переминался с ноги на ногу, то и дело прикладывал рукавицу к пояснице и шумно дул в кулак, пытаясь согреться.

Второй был заметно ниже ростом, суетливый и подвижный. Он был одет в городское суконное пальто с куцым каракулевым воротником, а шея его была замотана длинным, почти до колен, клетчатым шарфом ядовито-зеленого и красного цветов. Коротышка нервно оглядывался по сторонам, размахивал руками и то и дело поправлял на носу круглые роговые очки, которые на морозе беспрестанно запотевали.

«Странные какие-то», тихо пробормотал Костя. «На музейных работников совсем не похожи. Дядя Миша, музейный кочегар, в это время в дежурке чай пьет, у него смена только в восемь вечера. А эти вокруг слухового окна котельной крутятся».

«Гляди, Шкипер», тронула его за плечо Даша. «У того, который в клетчатом шарфе, в руках монтировка. Или лом. Железом по кирпичу скребет».

«Это не лом, это фомка-гвоздодер», пригляделся Алёшка, прищурившись сквозь свои стекла. «Стандартный слесарный инструмент с изогнутым концом. Зачем музейным работникам в сумерках ломать решетку слухового окна котельной, если у Антонины Петровны есть ключи от всех дверей?»

«Они не работники», твердо сказал Ваня. «Они грабители. Настоящие шпионы или воры. Точно вам говорю!»

«Тише ты, шпионы», цыкнул на него Костя, хотя у самого внутри неприятно екнуло. В предновогоднем сонном Крутояре мысль о настоящих грабителях казалась дикой. Здесь даже сараи на ночь запирали на простую деревянную щеколду, чтобы ветром не хлопало. Но то, что двое незнакомцев в темноте ковыряли музейную решетку, не оставляло сомнений: дело было нечисто.

В этот момент за каретным сараем что-то глухо стукнуло. Долговязый в тулупе попытался подсадить коротышку к оконному проему, но поскользнулся на обледенелой дорожке и с размаху сел в сугроб. Коротышка едва успел уцепиться за край отлива, дернулся и выпустил из рук металлический прут, который с отчетливым звоном упал на мерзлую землю.

«Слышали?» прошептал Алёшка. «Они же сейчас туда залезут. А в котельной есть ход прямо в запасники музея. Мне дядя Миша показывал: там железная дверь на задвижке, ее изнутри открыть раз плюнуть».

«Надо бежать к старшине Кузьмичу», предложила Даша.

«До отделения милиции через весь овраг полтора километра бежать», покачал головой Костя. «Пока добежим, пока Кузьмич валенки наденет да протокол начнет заполнять, они уже все вынесут и на своей таратайке укатят. Сами видите, следы метелью за полчаса занесет».

«А что тогда делать?» Ваня воинственно сжал кулачки в рукавицах. «Мы не можем просто так стоять и смотреть, как они музей грабят! Там же Звездочет! Если они его украдут, никакого праздника на площади не будет!»

Костя посмотрел на заснеженные ветви яблонь, протянувшиеся от подножия башни прямо к музейной ограде, потом на моток троса у лебедки и на тяжелую чугунную крышку от угольного ларя, стоявшую у парапета. В голове у него мгновенно выстроился четкий, ясный план.

«Слушай команду», быстро заговорил Костя, понизив голос. «Алёшка, остаешься на верхней площадке у сигнального колокола. Если увидишь, что они вытаскивают что-то тяжелое, дергай за шнур три раза. Даша, бери лыжные палки и беги низом через яблоневый сад к задней калитке. Твоя задача - перекрыть им выезд, если фургон тронется. Ваня, ты со мной. У нас на нижнем ярусе припасены жестяные листы от старой кровли. Устроим этим любителям чужих часов такой новогодний салют, что у них тулупы завернутся!»

«Есть устроить салют!» с восторгом отозвался Ваня.

Ребята бросились вниз по железным ступеням. До полуночи двадцать восьмого декабря оставалось несколько часов, на Крутояр опускалась морозная зимняя ночь, и детская команда заступала в свой самый настоящий, боевой дозор.

Пропавший футляр и медный анкер

Снег в старом купеческом саду лежал нетронутым, пухлым покрывалом. Яблони стояли в мохнатых белых рукавицах, их корявые ветви низко клонились к земле, образуя под сводами ветвей причудливые снежные шатры. Днем здесь любили возиться красногрудые снегири, но сейчас в саду стояла гулкая, хрустальная тишина, нарушаемая только отдаленным гудком маневрового тепловоза на станции.

Костя и Ваня скользили вдоль дощатого забора почти бесшумно. На валенки Костя предусмотрительно натянул старые шерстяные носки, чтобы снег не скрипел под подошвами, а маленький Ваня и вовсе передвигался как лесной зверек, пригибаясь под нависшими сучьями и ступая след в след за старшим товарищем. В руках у Кости был широкий лист кровельной жести, припасенный еще с осени для починки козырька над входом в штаб.

С другой стороны сада, у глухих запасных ворот, мелькала темная лыжная шапочка Даши. Она уже успела перекрыть выезд из переулка: затащила в узкий проем между сугробами две тяжелые березовые валежины и замаскировала их свежим снегом. Если синяя «буханка» попытается рвануть с места на полной скорости, ее передний мост неминуемо упрется в это бревенчатое препятствие.

Возле котельной слышались приглушенные голоса. Ребята подобрались к углу дровяного сарая и заглянули за угол.

Долговязый в овчинном тулупе стоял на четвереньках в сугробе, подпирая плечом край железной решетки, вмазанной в цоколь музея. Лицо у него было красное от натуги и холода, из-под сбившейся ушанки торчали рыжеватые вихры, а из носа то и дело капало.

«Феликс, Христом богом тебя прошу, пошевеливайся», жалобно бубнил великан, переступая огромными валенками в шерстяных чулках. «У меня поясницу ломит так, будто на меня мешок со щебнем с платформы уронили. И ноги закоченели. Говорил я тебе, надо было дома сидеть, чай с малиновым листом пить. Зачем мы в эту глушь поперлись под самый Новый год?»

«Замолчи, Чугун, ради всего святого», шипел коротышка в клетчатом шарфе, стоя на спине великана и отчаянно ковыряя изогнутой фомкой чугунный штырь решетки. «Искусство тайной экспроприации требует абсолютной концентрации и поэтического изящества. Ты не кочегар сейчас, ты участник грандиозной исторической драмы. Сам Аркадий сказал: этот Звездочет стоит как целый эшелон новых швейцарских хронометров. Нам за него отвалят такие комиссионные, что ты себе в области собственный мебельный цех откроешь. Будешь буфеты строгать до самой пенсии. А ну-ка, подайся правее, плечо подставь!»

«Не могу правее, там крапива сухая под снегом колется», кряхтел Чугун. «И вообще, Феликс, грех это. Перед праздником у людей часы забирать. Детишки завтра на площадь придут, на оленя смотреть захотят, а оленя тю-тю. Стыдоба одна».

«Какой грех, простота деревенская?» раздраженно огрызнулся Феликс, поправляя запотевшие очки. «Олень механический, у него души нет. А у нас с тобой долги по квартплате и просроченные обязательства перед солидными людьми. Надави еще разок! Пошла, родимая!»

С глухим хрустом старинная кованая решетка поддалась. Кирпичная крошка брызнула во все стороны, и перекошенная створка слухового окна с жалобным скрипом распахнулась внутрь подвала. Из черного проема повалил теплый пар, пахнущий сырым углем, масляной краской и старыми музейными войлоками.

Феликс ловко, словно хорек, нырнул головой вперед в темную дыру, взмахнув в воздухе длинными концами клетчатого шарфа. Чугун остался снаружи, нервно озираясь по сторонам и прижимая озябшие руки к груди.

Из кабины синего фургона, стоящего за калиткой, высунулась круглая лохматая голова водителя в расстегнутом полушубке. В руке шофер держал надкусанную сдобную ватрушку с творогом.

«Эй, артисты!» сипло крикнул водитель, пережевывая тесто. «Вы там до утра копаться будете? У меня трамблер барахлит, на холостых глохнет. Если аккумулятор сядет, нас никакой трактор отсюда до весны не выдернет!»

«Потерпи, Шуруп, не каркай под руку!» донесся из подвала глухой, вибрирующий голос Феликса. «Я уже в запаснике. Вижу деревянный ларь на стеллаже. Тяжелый, каналья! Принимай, Чугун, хватай за ручки!»

В проеме слухового окна показался угол массивного дубового ящика, обитого по углам чеканными латунными уголками. На крышке ящика блеснула потускневшая от времени медная пластина с гербом.

Костя понял: медлить больше нельзя ни секунды. Если грабители погрузят ящик в фургон, пиши пропало.

«Ваня, держи лист за край», шепнул Костя, и глаза его азартно блеснули. «Как только я крикну, со всей силы лупим по нему поленом, а потом толкаем снежную шапку с крыши сарая!»

Дровяной сарай стоял вплотную к слуховому окну котельной. На его покатой тесовой крыше за неделю намело колоссальный сугроб - тяжелый, слежавшийся пласт снега толщиной почти в метр, нависавший над самым проемом козырьком.

Костя поднял березовое полено, размахнулся и со всего плеча ударил по подвешенному листу кровельной жести.

Ба-а-ам!

Звук получился такой, будто в глухом саду выстрелила полковая пушка. Жесть загудела, завибрировала, раскатывая по морозному воздуху оглушительный металлический гром. В ту же секунду Костя и Ваня дружно налегли плечами на нижний край снежного козырька.

Огромная белая лавина с глухим шипением сорвалась с крыши и обрушилась точно вниз.

Чугун, который в этот момент только-только ухватился обеими руками за латунные ручки дубового ящика, даже не успел вскрикнуть. Снежный вал накрыл великана с головой. Овчинный тулуп мгновенно превратился в огромный белый сугроб, ушанка слетела, а сам незадачливый напарник с испуганным ревом повалился на спину, задрав к небу ноги в шерстяных носках.

Дубовый ящик с грохотом выскользнул из его рук, перевернулся в воздухе и рухнул в снег. Крышка ящика от удара распахнулась настежь.

«Полундра! Обвал! Землетрясение!» истошно завопил из подвальной дыры Феликс, выкарабкиваясь наружу с проворством ошпаренной кошки. Очки его съехали на кончик носа, шарф волочился по земле. «Чугун, поднимайся, идиот! Нас засыпало!»

В этот момент со стороны старой водонапорной башни раздался гулкий, мерный звон. Алёшка Чайкин, заметив суматоху у котельной, изо всех сил дергал за просмоленный шнур старинного сигнального колокола:

Бом! Бом! Бом!

«Тревога! Засада! Милиция!» в панике заголосил Шуруп из кабины фургона, бросая недоеденную ватрушку на панель и судорожно крутя ключ зажигания. Стартер жалобно взвизгнул, чихнул, и мотор взревел с надрывным воем.

«Хватай добычу, бросай все!» верещал Феликс, хватая барахтающегося в сугробе Чугуна за воротник тулупа.

Чугун, ослепленный снегом, забившимся в глаза и за ворот, вслепую загреб руками лежащий рядом дубовый футляр. Ящик оказался неожиданно легким, словно фанерный, но разбираться в темноте у перепуганных воров не было времени.

«Бежим, мамочка родная, стреляют!» всхлипнул Чугун, прижимая ящик к груди и неуклюже ковыляя к калитке через глубокие сугробы.

Феликс бежал следом, высоко вскидывая худые ноги в городских ботинках. На бегу он споткнулся о собственный шарф, кубарем покатился по дорожке, выронил из кармана пальто какой-то блестящий металлический предмет и пачку бумаг, вскочил, отчаянно замахал руками и с разбегу рыбкой влетел в открытую заднюю дверь фургона. Следом, кряхтя и сопя, протиснулся огромный тулуп Чугуна.

Дверь с грохотом захлопнулась. Синяя «буханка», бешено буксуя всеми четырьмя колесами и вздымая фонтаны колючего снега, рванула вперед по Пушкарскому переулку.

Впереди показались замаскированные бревна, но старый уазик на полном газу с треском подмял сухие березовые сучья, перевалил через сугроб, вильнул кормой и, окутавшись сизым едким дымом, умчался в сторону набережной, растворяясь в морозных сумерках.

Колокол на башне смолк. Наступила внезапная, оглушительная тишина, в которой слышалось только прерывистое дыхание ребят.

Из-за яблонь выбежала запыхавшаяся Даша с лыжными палками в руках: «Ушли! На бревнах даже не застряли, только крыло о забор помяли! Все целы?»

«Все целы», Костя вытер рукавицей взмокший лоб и подошел к месту побоища у слухового окна котельной. «Ловко мы их накрыли. Видала, как сугроб с крыши съехал? Чугун этот аж захрюкал от неожиданности».

«Шкипер, гляди!» вдруг звонко крикнул Ваня, приседая на корточки возле протоптанной ворами колеи. «Они что-то выронили! Блестит!»

Костя и Даша подошли ближе. В луче карманного фонарика, который достал из кармана Костя, на истоптанном снегу ярко вспыхнул желтый металл.

Это была тяжелая фигурная деталь из чистой полированной латуни размером с ладонь взрослого человека. По форме она напоминала изящный морской якорь с двумя тонкими изогнутыми рожками, на концах которых алели крошечные, идеально ограненные темно-красные камушки - настоящие часовые рубины. Между рожками на полированной оси покоилась миниатюрная шестеренка с косыми зубьями, смазанная прозрачным, пахнущим миндалем часовым маслом.

Рядом, полузасыпанный снегом, лежал сложенный вчетверо лист плотной пожелтевшей бумаги, похожей на пергамент.

Костя бережно поднял латунную деталь. Металл обжигал пальцы холодом, но сквозь мороз чувствовалась тончайшая, невероятная работа мастера.

«Что это такое?» с благоговением прошептал Ваня, трогая пальцем крошечный рубиновый наконечник. «Золото?»

«Не золото, латунь высшей пробы», раздался сзади голос Алёшки. Очкарик уже успел спуститься с башни и теперь стоял рядом, поправляя сбившиеся очки и жадно вглядываясь в находку. «Это же анкерный спуск! Сердце механизма! Именно эта деталь удерживает ход заводной пружины и передает импульс на маятник. Без нее ни одни башенные куранты не пойдут, они просто сорвутся в бешеное вращение и разнесут колесную передачу в щепки!»

«А бумага?» спросила Даша, поднимая пергаментный лист и осторожно отряхивая с него снежинки.

Алёшка развернул лист под лучом фонарика. На плотной бумаге бурыми чернилами был начерчен подробный чертеж сложного часового механизма. Сверху красивым дореволюционным почерком с твердыми знаками и завитками было выведено:

«Реестръ и сокровенное устроеніе курантнаго автомата Звѣздочетъ, трудами крутоярскаго цехового мастера Силантія Воронова сотвореннаго въ лѣто 1898 отъ Рождества Христова».

Ниже чертежа шли четыре круглых сургучных оттиска, возле каждого из которых стояла короткая рукописная строчка.

«Постойте», нахмурился Костя, вспоминая бегство грабителей. «Чугун же утащил дубовый ящик. Тот самый, в котором хранился Звездочет!»

«Ничего он не утащил», вдруг тихо сказала Антонина Петровна.

Ребята вздрогнули и обернулись. На пороге служебного входа музея стояла директор - невысокая седая женщина в темно-синем драповом пальто с песцовым воротником и теплом пуховом платке. В руке она держала тяжелый фонарь «летучая мышь». Позади нее из темноты коридора выглядывал испуганный кочегар дядя Миша с кочергой наперевес.

«Антонина Петровна!» воскликнул Костя. «На музей напали! Двое в тулупах решетку сломали и ящик унесли!»

Директор музея медленно подошла к ребятам, перевела взгляд с выломанной решетки на снежную целину и устало покачала головой:

«Я слышала шум и колокол. Спасибо вам, ребята, за бдительность. Но тот ящик, который они утащили... он был совершенно пуст. Это транспортировочный футляр, обитый бархатом. Плотники из артели сегодня утром вынесли его в котельную, чтобы просушить обивку перед завтрашней установкой на площади».

«А сам Звездочет?» в один голос спросили Даша и Алёшка.

Антонина Петровна грустно вздохнула и посмотрела на старинный пергамент в руках у Алёшки:

«А сам Звездочет, милые мои, уже сто лет как разобран. Когда в восемнадцатом году купец Полежаев уезжал из Крутояра, мастер Силантий, спасая шедевр от грабежа, разобрал автомат на четыре главные части и спрятал их в разных концах города. Мы в музее смогли найти только корпус и нижний редуктор. А вот три главных узла - анкерный спуск, заводной звездный барабан и хрустальный олень - считались навсегда утраченными. До сегодняшнего вечера».

Она перевела взгляд на латунную деталь в руках у Кости, и глаза пожилой женщины наполнились слезами:

«Неужели это... неужели это подлинный анкер Силантия?»

Костя крепче сжал полированный металл в ладони. Теперь все встало на свои места. Жулики украли пустую деревянную коробку. Очень скоро их заказчик поймет, что его обманули, и банда вернется в Крутояр за настоящими деталями. Но теперь у ребят был чертеж самого мастера Силантия. Битва за новогоднее чудо только начиналась.

Четыре знака мастера Силантия

Утреннее солнце двадцать девятого декабря вставало над Крутояром холодным, багровым кругом. Дым из печных труб поднимался в безоблачное небо ровными, неподвижными столбами, похожими на белые мраморные колонны: мороз к утру перевалил за двадцать пять градусов. Снег под ногами не просто скрипел, а взвизгивал на каждом шагу, словно сухой битый фарфор.

В штабе на старой водокачке было шумно и тепло. Чугунная буржуйка раскалилась до вишневого свечения, на ее плоском верху тихо закипал закопченный жестяной чайник, распространяя вокруг густой дух смородинового листа и сушеной мяты.

На столе под светом подвешенной керосиновой лампы лежал расправленный пергамент мастера Силантия. По краям лист прижали тяжелыми латунными гайками, чтобы он не сворачивался обратно в трубку. Рядом на куске чистой фланели покоился найденный вчера латунный анкерный спуск. В лучах утреннего света рубиновые паллеты на его рожках вспыхивали маленькими живыми искрами.

Алёшка Чайкин, обложившись потрепанными краеведческими брошюрами и словарем Даля, водил кончиком химического карандаша по пожелтевшим строчкам.

«Тише вы, не сопите под руку», бормотал Алёшка, поправляя круглые очки на переносице. «Тут использован полуустав с сокращениями и вязь. Мастер Силантий был человеком ученым, старообрядческой выучки. Смотрите сами: под чертежом идут четыре круглые сургучные печати с личным клеймом купца Полежаева - медведь с топориком. А возле каждой печати - стих-загадка».

«Читай уже, Профессор, не томи», поторопила Даша, ловко очищая от оранжевой кожуры морозный мандарин. Она разломила его на четыре дольки и раздала каждому по кусочку. «У нас времени в обрез. Завтра тридцатое, послезавтра канун Нового года. Если эти двое с фургоном вернутся, мы должны знать, куда они сунутся в следующий раз».

«Слушайте», Алёшка откашлялся и торжественно прочитал первую строчку:

«Первый узел сокрыт во клети огненной, идеже вода силу паровую емлет да железо плавит».

«Ну, это проще пареной репы», заметил Ваня, с аппетитом жуя кисло-сладкую дольку. «Огненная клеть - это же котельная музея! Там как раз уголь топят, чтобы трубы греть. Значит, первую загадку воры уже почти разгадали, потому вчера в слуховое окно и полезли. Только вместо всего Звездочета латунный якорек потеряли».

«Точно», кивнул Костя, внимательно разглядывая чертеж. «Они думали, что автомат лежит целиком в футляре. А теперь читай вторую строчку».

Алёшка перевел палец на второй сургучный оттиск:

«Второй узел положен на речном стрежне, идеже шумное колесо водяное круг вершит, а жернов белый камень в снежную муку перетирает во славу зимней тишины».

В штабе повисла короткая тишина. Ребята переглянулись.

«Шумное колесо и жернов?» нахмурилась Даша. «Это же мельница! В Крутояре только одна старая мельница - водяная мельница Полежаева на дальнем острове Ярыни, за Кривым коленом!»

«Именно так», подтвердил Алёшка, сверяясь со своей записной книжкой. «Полежаев построил ее в тысяча девятьсот пятом году. Там стояло огромное пятиметровое колесо с деревянными лопастями. В тридцатые годы мельницу закрыли, плотину размыло весенним паводком, но само дубовое бревенчатое здание на острове до сих пор стоит целое. Зимой туда только охотники за зайцами на лыжах добираются».

«А что там спрятано?» спросил Ваня, приподнимаясь на цыпочки.

«Судя по чертежу, заводной звездный барабан», Костя указал пальцем на сложный узел с косыми зубьями и спиральной пружиной. «Главный силовой накопитель. Именно он заводит всю механику и вращает небесную сферу со звездами. Без него часы мертвы».

«А третья строчка?»

«Третья строчка вот», Алёшка прищурился:

«Третий вестник вознесен под небесный флюгер, идеже девы холсты белят да пряхи старинную песнь поют, взирая на четыре стороны света».

«Под флюгер...» протянул Костя. «Флюгер с медным петушком у нас в городе только в одном месте - на чердачном шпиле главного усадебного дома музея! Там в мансарде до революции была купеческая белильня и ткацкая светлица, где дворовые девушки полотно ткали. Сейчас там музейный чердак, забитый старыми сундуками и прялками».

«А четвертая печать?» не унимался Ваня.

Алёшка помрачнел и развел руками:

«А четвертая строка полустерта. Сургуч растрескался, чернила выцвели. Можно разобрать только слова: тайный ларь... откроется лишь в полночь... зеленый луч полуночной зари... и спасение града Крутояра. Что за зеленый луч и какое спасение, совершенно непонятно».

«Разберемся по ходу дела», твердо сказал Костя, застегивая полушубок. «Главное мы поняли. Наш латунный анкер - это только первая часть. Вторая часть - звездный барабан на заброшенной мельнице. Третья - олень на чердаке музея. А четвертая откроется сама, когда часы соберут воедино. Сейчас я иду в милицию к Кузьмичу. Мы обязаны официально заявить о нападении на музей. А потом забегу в депо к папке: надо показать ему этот анкер, вдруг там штифт погнут при падении».

«А мы что делаем?» спросила Даша, подтягивая шерстяные перчатки.

«Вы с Ваней берете санки и идете на Базарную площадь. Там сегодня открывается большая предновогодняя ярмарка и елочный базар. Народу будет тьма со всего района. Если эти жулики остались в городе, они обязательно где-то там крутятся: им же надо фургон заправлять, еду покупать да телефон-автомат искать. Следите в оба, но в драку не лезьте. Встречаемся здесь ровно в три часа дня».

Отделение милиции Крутояра помещалось в одноэтажном бревенчатом домике с вывеской под жестяным козырьком на улице Карла Маркса. Внутри пахло сургучом, махорочным дымом, мокрыми валенками и елочной смолой.

Старшина Кузьмич - коренастый, круглолицый милиционер лет пятидесяти с пышными рыжеватыми усами - сидел за массивным столом и подшивал бумаги суровой ниткой. На столе перед ним стояла пузатая банка с квашеной капустой, лежала четвертинка ржаного хлеба и красовалась огромная стопка заявлений от местных жителей.

«Здорово, Рогов-младший», добродушно прогудел старшина, поднимая глаза от папки. «Ты чего в такой мороз по улицам шастаешь? У вас в школе разве каникулы не начались?»

«Начались, дядя Вася», Костя аккуратно притворил за собой обитую войлоком дверь. «Я по срочному делу. Вчера вечером на краеведческий музей нападение совершено. Двое неизвестных взломали решетку котельной, проникли в подвал и пытались похитить детали Звездочета. Мы с ребятами спугнули их с башни, но они уехали на синем фургоне с брезентовым верхом».

Кузьмич медленно отложил шило, пригладил усы и с укоризной посмотрел на мальчика:

«Костя, ты парень толковый, весь в отца. Но фантазии у тебя через край бьют. Какое нападение? Какие похитители на синем фургоне? Я сегодня утром лично с Антониной Петровной по телефону разговаривал. Она сказала, что хулиганы старую решетку на котельной погнули да пустой деревянный ящик по двору прокатили. Плотники этот ящик сами на снег выбросили, потому что он от сырости рассохся. А решетка та еще при нэпе сгнила, ее пальцем ткни - сама отвалится».

«Дядя Вася, да они же с монтировкой были!» горячо возразил Костя. «И напарник у него долговязый, в овчинном тулупе с веревкой, Чугуном зовут! А главный - в круглых очках и длинном клетчатом шарфе, говорит с выкрутасами, как артист из театра!»

Кузьмич тяжело вздохнул, встал из-за стола, подошел к окну и указал пальцем на улицу:

«Ты погляди, что за окном делается. На Базарной площади три тысячи человек гуляют. Со всего района колхозники свинину, масло да мед привезли. Семь елочных базаров работают, ледяную горку доделывают, электросеть под иллюминацию подключают. У меня три дружинника с гриппом свалились, а в совхозе Заречный ночью у сторожа петуха племенного со двора утащили. Мне что, прикажешь весь отдел под ружье ставить из-за того, что вы с пацанами в снежки переиграли и привидений в тулупах увидели?»

«Но они вернутся за остальными деталями!»

«Вот когда вернутся, тогда и свисти в свисток», мягко, но непреклонно отрезал старшина. «А сейчас марш домой, матери по хозяйству помогай. Не морочь людям голову перед праздником».

Костя сжал зубы, вежливо попрощался и вышел на морозное крыльцо. Надеяться на милицию было бесполезно: для взрослых это была обычная предновогодняя суматоха, где разбитое слуховое окно казалось пустяковой детской шалостью.

До локомотивного депо Костя добежал за пятнадцать минут, срезав путь через заснеженные стрелочные переводы станции.

В депо царил привычный трудовой гул. В огромных кирпичных стойлах стояли могучие тепловозы и два старых паровоза серии «Э», которые держали в горячем резерве на случай сильных заносов. В воздухе стоял густой, родной для Кости запах горячего машинного масла, угля, керосина и каленого металла. Высоко под потолком с шипением вспыхивали голубые сполохи электросварки.

Отец Кости, Павел Рогов, старший мастер цеха подъемочного ремонта, стоял возле огромного токарно-винторезного станка «Красный пролетарий» и проверял микрометром шейку тяжелой колесной пары. Он был широкоплечим, немногословным человеком с внимательными серыми глазами и сильными, въевшимися в кожу мазутом руками.

«Здорово, сынок», Павел вытер ладони ветошью и присел на деревянный ящик с инструментами. «Мать говорила, ты с утра на башне пропадаешь. Что стряслось? Лицо на тебе темнее чугунной чушки».

Костя огляделся по сторонам, подошел вплотную к верстаку и бережно вынул из внутреннего кармана полушубка латунный анкерный спуск, завернутый в чистую тряпицу.

«Пап, погляди. Только никому не говори».

Павел Рогов взял деталь в широкие мозолистые ладони. Его брови удивленно взметнулись вверх. Опытный механик, отдавший железной дороге двадцать пять лет, мгновенно оценил вещь. Он поднес анкер к глазам, осторожно проверил ногтем люфт на крошечной стальной оси, вгляделся в прозрачные грани рубиновых камней и тихо присвистнул:

«Матерь честная... Да это же работа Силантия Воронова. Тот самый анкер со свободным ходом от Звездочета. Я его чертежи в музейном архиве видел, когда втулки точил. Откуда он у тебя, Костька?»

Костя без утайки рассказал отцу всё: и про ночной фургон у котельной, и про долговязого Чугуна с коротышкой в шарфе, и про лавину с крыши сарая, и про найденный пергамент с четырьмя клеймами, и про разговор с Кузьмичом в милиции.

Павел слушал сына молча, не перебивая ни единым словом. Лицо его становилось все строже и сосредоточеннее. Когда Костя закончил, мастер аккуратно положил анкер обратно на фланель и тяжело положил руку сыну на плечо.

«Кузьмича не вини», негромко произнес отец. «У него служба такая: пока кровь не прольется или витрину не разобьют, ему протокол шить не к чему. А в городе и правда суматоха,

все к тридцать первому числу готовятся. Но ты запомни, Костя: если в механизм попала посторонняя песчинка, его нельзя оставлять без присмотра. Рано или поздно шестерни срежет».

«Значит, ты мне веришь, пап?» с надеждой спросил Костя.

«Металл врать не умеет», Павел кивнул на латунную деталь. «Такую вещь воры из музея просто так не выронили бы. Раз полезли - значит, знают, за чем идут. Тот, кто этот заказ придумал, в старинных часах понимает куда больше нашего Кузьмича. Анкер спрячь в надежное место. Никому не показывай, даже в школе не хвастайся. А с мельницей на Ярыне будьте втрое осторожнее. Там у Кривого колена промоины бывают даже в лютый мороз: бьют донные ключи, лед тонкий, как папиросная бумага».

«Мы осторожно, пап. Мы веревку возьмем и лыжи».

«Знаю я ваше «осторожно», усмехнулся мастер, но в глазах его блеснула отцовская гордость. «Мужиками растете. Только помни, сынок: железо починить всегда можно, а товарища беречь надо пуще глаза. Ступай. И если что-то пойдет не так - сразу беги в депо ко мне. Понял?»

«Понял, пап!»

Костя спрятал драгоценный анкер за пазуху и выбежал из ворот депо. На душе стало легко и уверенно: отец поверил, а значит, за спиной была надежная опора. Теперь оставалось главное - найти следы похитителей на Базарной площади и не дать им добраться до старой мельницы первыми.

Клетчатое пальто на елочном базаре

Базарная площадь Крутояра двадцать девятого декабря напоминала огромный праздничный муравейник, разворошенный веселым северным ветром. Вдоль старых каменных торговых рядов с побеленными арочными галереями протянулись сотни деревянных прилавков. Здесь пахло свежей смолистой хвоей, печеными яблоками в карамели, жареными подсолнечными семечками, соленой стерлядью и горячим сбитнем, который дородные продавщицы в цветастых пуховых полушалках разливали прямо из огромных медных самоваров с начищенными до блеска боками.

В центре площади высилась главная городская елка - пышная, тридцатиметровая лесная красавица, привезенная на трех сцепленных лесовозах из дальнего таежного урочища. На ее мохнатых лапах покачивались огромные расписные картонные часы, стеклянные серебряные шишки и гирлянды из разноцветных круглых лампочек, которые электромонтеры как раз подключали к временному трансформатору.

Рядом плотники заканчивали возведение деревянного павильона курантов. Это было изящное бревенчатое сооружение с резным коньком, широкими стеклянными окнами-витринами и высоким шпилем, на котором красовался кованый жестяной месяц со звездой. Вокруг павильона уже толпились горожане: всем не терпелось увидеть, как завтра сюда доставят знаменитого Звездочета.

Даша Метёлкина скользила вдоль ледяных дорожек, залитых по периметру площади. На ней были надеты белые фигурные коньки с пристегнутыми на время перехода деревянными колодками-чехлами, синяя спортивная куртка и вязаная шапочка с помпоном. Глаза девочки зорко сканировали толпу, выхватывая знакомые лица соседей, одноклассников, торговцев и приезжих колхозников.

Чуть позади, таща за собой легкие деревянные санки с мешком опилок для маскировки, неторопливо шагал девятилетний Ваня. На голове у Вани поверх шапки был намотан мамин пуховый белый шарф, так что из-под шерсти виднелся только покрасневший от мороза кончик носа да внимательные серые глаза. Картонный перископ лежал в кармане пальтишка, готовый к немедленному бою.

«Даша», тихо шепнул Ваня, поравнявшись с сестрой возле лотка с моченными яблоками. «У аптекарского ларька. Смотри на четыре часа».

Даша сделала вид, что поправляет шнурок на правом коньке, и незаметно скосила взгляд в сторону аптечного павильона с зеленой вывеской.

Там, зябко вжимая голову в плечи и переминаясь в тонких городских ботинках на тонкой кожаной подошве, стоял тот самый субъект. Длинный клетчатый шарф ядовитых расцветок был намотан вокруг его шеи не меньше пяти раз, причем один конец волочился по утоптанному снегу почти до земли. Из-под куцего каракулевого воротника торчали острые худые плечи. Человек судорожно согревал дыханием скрюченные пальцы в рваных вязаных перчатках и о чем-то громко спорил с пожилой аптекаршей в ватной телогрейке.

«Мадам, неужели в вашем благословенном провизорском заведении нет элементарных грудных сборов?» доносился до ребят дребезжащий, напыщенный голос. «Мой почтенный компаньон кашляет так, будто в его бренной груди работает камнедробильный механизм железнодорожного депо! У него температура тридцать восемь и пять, бред и полнейший упадок жизненных сил! Дайте мне корень солодки, банку алтейного сиропа и полкило эвкалиптовых леденцов!»

«Леденцы на кондитерском лотке покупай, мил человек», невозмутимо басила аптекарша, поправляя весы с гирьками. «А от кашля у нас только сухая микстура в пакетиках по три копейки да горчичники. Бери, пока не разобрали, перед праздником весь город чихает».

Коротышка с отчаянием выгреб из кармана горсть мелочи, бросил на прилавок, схватил пачку горчичников и сунул под мышку. В этот момент на углу площади пронзительно зазвенел звонок в остекленной телефонной будке междугородной связи.

Субъект в клетчатом шарфе вздрогнул, словно его ударили током. Он торопливо огляделся по сторонам, натянул шапку по самые уши, спрятал нос в шарф и приземистой рысцой бросился к телефонной будке.

«Он звонит кому-то!» шепнула Даша, мгновенно сбросив с коньков деревянные чехлы. «Ваня, ползи за сугроб у трансформатора. Будка стоит прямо за снежным валом, там щель между досками отличная. Только тихо, как мышь!»

«Я не мышь, я разведчик», солидно буркнул Ваня.

Мальчик ловко нырнул за высокий снежный сугроб, который дворники сгребли к деревянной стене трансформаторной будки. Сугроб был твердым, наметенным метелью, но Ваня на животе протиснулся в узкую промоину между слежавшимся настом и деревянным щитом. До стеклянной стенки телефонной будки оставалось меньше полуметра. Стекла будки изнутри покрылись плотным слоем морозных узоров, однако форточка сверху была приоткрыта на пару сантиметров для вентиляции, и каждое слово говорившего разносилось по морозному воздуху с идеальной отчетливостью.

Ваня вытащил свой картонный перископ, осторожно выставил зеркальце над кромкой сугроба и прильнул глазом к окуляру.

Внутри будки незнакомец судорожно вдавливал в ухо тяжелую черную карболитовую трубку автомата. Пальцы его дрожали так, что монета достоинством в пятнадцать копеек дважды падала в щель возврата.

«Алло! Барышня, соедините с областным центром, добавочный сорок два! Срочно, категория молния!» истерично кричал он в мембрану. «Да, жду! Жду, ради всего святого!»

В трубке что-то щелкнуло, раздался протяжный металлический гудок, а затем послышался глухой, резкий и властный мужской голос, от которого даже у Вани за сугробом мороз пробежал по коже.

«Слушаю. Мягков, ты почему звонишь по открытой линии?»

«Аркадий... мон шер Аркадий Семенович!» запричитал Феликс, вжимаясь спиной в стекло будки и прижимая трубку обеими руками. «У нас чрезвычайное происшествие форс-мажорного характера! Вчера ночью операция в музее была проведена с безупречной артистической точностью, но... возникла непредвиденная накладка чисто постановочного свойства!»

«Говори по делу, фигляр», отрезал голос из трубки, и в нем зазвенела неприкрытая сталь. «Звездочет у вас?»

«Футляр у нас!» выпалил Феликс, покрываясь испариной, несмотря на двадцатиградусный мороз. «Подлинный купеческий дубовый ларец с латунными коваными петлями! Но когда мы вскрыли его в укрытии... там оказались только бархатные подушки, деревянные распорки и пустые гнезда! Самого автомата внутри не было! Музейщики его разобрали!»

На том конце провода повисла тяжелая, леденящая пауза. Было слышно, как невидимый собеседник медленно, со свистом выдыхает табачный дым.

«Вы два круглых, набитых опилками идиота», с ледяным бешенством произнес Аркадий Брусницын. «Я предупреждал тебя, Кларнет: автомат Силантия Воронова нельзя брать с наскока, как колхозный амбар. Ты нашел в запаснике пергамент с реестром шестерен?»

«Э-э... видите ли, мон шер...» замялся Феликс, и голос его сорвался на визг. «В момент отхода с объекта на нас обрушилась стихия! Снежная лавина с крыши, пожарный колокол, стрельба... В суматохе чертеж и одна мелкая латунная деталька выпали на тропинке в сугроб!»

«Что?!» рявкнула трубка так, что стекло в будке мелко задрожало. «Ты прохлопал реестр Силантия?! Да знаешь ли ты, ничтожество, сколько иностранные коллекционеры платят за одного только хрустального оленя с рубиновыми глазами? За этот автомат мне в Москве дают

стоимость трех кооперативных квартир на Ленинском проспекте и новенькую Волгу в экспортном исполнении! А ты потерял чертеж?!»

«Мы все исправим, Аркадий Семенович! Ей-богу, исправим!» зачастил перепуганный насмерть Феликс. «Я успел прочитать вторую строчку перед тем, как уронил лист! Второй узел спрятан на старой водяной мельнице за рекой! Завтра на рассвете мы с Чугуном берем лыжи и едем на остров! Мы достанем звездный барабан, клянусь памятью Станиславского!»

«Слушай меня внимательно, шут гороховый», голос Брусницына стал тихим, медленным и оттого еще более страшным. «Завтра тридцатое число. Я выезжаю в ваш занюханный Крутояр на своей машине. Тридцать первого декабря ровно в полночь городские власти на Базарной площади включают иллюминацию и начинают праздничный салют. В этот момент весь город будет пялиться в небо. Если к двадцати трем часам все части Звездочета не будут лежать в моем багажнике, я лично сдам тебя и твоего недоумка Чугуна начальнику областного уголовного розыска. И припишу вам не только кражу из музея, но и поджог товарных складов в Вологде. Понял меня?»

«Понял... все понял, Аркадий Семенович...» прошептал Феликс, вытирая рукавом взмокший лоб.

«И вылечи этого своего мамонта. Если он завтра на мельнице свалится в сугроб и замерзнет, я закопаю тебя рядом с ним. До связи».

В трубке раздались короткие гудки. Феликс медленно опустил трубку на рычаг, постоял несколько секунд, глядя перед собой остекленевшим взглядом, затем судорожно запахнул клетчатое пальто и толкнул плечом дверь будки.

Ваня затаил дыхание, глубже вжимаясь в снежную нору. Феликс вышел на площадь, нервно огляделся по сторонам, сжал в кулаке пакетики с лекарствами и торопливым, семенящим шагом направился в сторону заречной слободы, где за старыми товарными складами темнели заброшенные лодочные сараи.

Через минуту над сугробом показалась Даша на коньках. Она протянула руку и помогла брату выбраться на твердую дорожку:

«Ванька, ты слышал?»

«Все слышал!» выпалил Ваня, отряхивая снег с пальтишка. Глаза у мальчика горели. «Заказчика зовут Аркадий Брусницын! Он из области, на черной машине приедет! Он им грозил, что если до Нового года часы не отдадут, он их в милицию сдаст! А завтра утром они на лыжах собираются на старую мельницу за звездным барабаном!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.